

ПОНЯТИЕ «ИДЕЯ» В МИРОСОЗЕРЦАНИИ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

С.Л.Шараков

THE CONCEPT OF "IDEA" IN THE DOSTOEVSKY'S WORLD VIEW

S.L.Sharakov

Гуманитарный институт НовГУ, ssharakov@yandex.ru

В статье выдвинута проблема философского источника понятия «идея» в художественном мышлении Ф.М.Достоевского. Во введении устанавливается роль идеи в поэтике писателя, рассматриваются основные существующие подходы в решении указанной проблемы, в частности, говорится о концепциях Н.А.Бердяева и М.М.Бахтина. В основной части выдвигается тезис: если понимать платоновскую идею как символ, то идеализм Достоевского носит платонический характер. Тезис аргументируется высказываниями писателя. Рассмотрено понятие типизации. Следует вывод: понятие типа у писателя тождественно символу. Рассматривается символизм мышления писателя в отношении герменевтики текста, в связи с чем поднята проблема связи идеи и образа. Устанавливается тип связи между внутренним и внешним, как это видел Достоевский. Приводятся примеры из романов. В заключение устанавливается соотношение между явлением и диалогом в мирозерцании писателя.

Ключевые слова: *идея, символ, порождающая модель, тип, явление, диалог, платонизм, поэтика, мирозерцание*

In the article, the problem of the source of the concept of «idea» in the F.M. Dostoevsky's artistic thinking is raised. In the introduction, the role of idea in the poetics of the writer is established, the main existing approaches in solving this problem are examined, and in particular, the concepts of N.A. Berdyaev and M.M. Bakhtin are specified. In the main part, the thesis is proposed: "if you understand Plato's idea as a symbol, the idealism of Dostoevsky is Platonic in nature." This thesis is confirmed by the utterances of the writer. The concept of typification is examined, that concludes that the concept of type is identical to the symbol. The symbolism of Dostoevsky's thinking in respect of the hermeneutics of the text is discussed, therefore the problem of connection idea and image is raised. The type of relationship between internal and external is determined. The examples from the novels are given. In the conclusion, the correlation between the phenomenon and the dialogue in the writer's world view is defined.

Keywords: *idea, symbol, generating model, type, phenomenon, dialogue, world view, poetic, Platonism*

Одной из основных, если не главной, категорий художественного мирозерцания Ф.М.Достоевского является понятие «идеи». Так, Н.А.Бердяев, утверждал, что идеи «играют огромную, центральную роль» в творчестве писателя [1]. С этим трудно не согласиться. Русская идея, римская идея, идея цивилизации, идея помещика, идея Православия, идея будущего России, русская политическая идея, медицинские идеи, идея монархии, ложная идея, европейские идеи, либеральная идея, идеи в суде, идея светского общества, предвзятая сербская идея, старая и новая идеи, идея о классическом образовании, славянофильская идея, идея Христа, народная идея о Восточном вопросе и т.д. — вот неполный список выражений писателя, связанный со словом «идея».

Определение главного принципа мировидения всякого художника важно для направления исследовательского поиска. Но в случае с понятием «идея» указательного жеста недостаточно: эта категория, рожденная в недрах объективного идеализма Платона, в истории философии употребляется, в различных смыслах, и в субъективном идеализме и даже в системах материализма. Не удивительно, что выдвижение идеи в качестве основной категории художественного мышления Достоевского связано с попытками обозначить ее, идеи, родовую принадлежность, что, в свою очередь, неизбежно приводит исследователей к сравнению мира идей Платона, родоначаль-

ника идеализма, и мира идей Достоевского. Приведем в качестве иллюстрации точки зрения авторов, работы которых можно отнести к ряду определяющих основные направления в достоевсковедении. Так, тот же Бердяев категорически заявляет, что мир идей Достоевского отличен от мира идей Платона. Критерием истины здесь служит оппозиция динамика-статика. Соответственно, идеи Достоевского видятся мыслителю началами динамическими в отличие от статичных «прообразов бытия» Платона. В этом смысле, у Достоевского, по мысли Бердяева есть что-то от «духа Гераклита». «Идеи Достоевского <...> судьбы бытия, первичные огненные энергии» [1, с. 7]. В свою очередь, М.М.Бахтин также пытается обозначить метафизический статус идеи у Достоевского. «"Идей в себе" в платоновском смысле или "идеального бытия" в смысле феноменологов Достоевский не знает, не созерцает, не изображает» [2]. Но если для Бердяева сам факт объективного существования идей у Достоевского не подвергается сомнению, то для Бахтина идеи Достоевского — это смыслы, зарождающиеся в уме в акте мировосприятия. «Для Достоевского не существует идей, мыслей, положений, которые были бы ничьими — были бы "в себе"» [2, с. 40].

Надо сказать, что в современном достоевсковедении онтологический статус идеи у Достоевского не осмысливается как проблема. Как правило, точка

зрения Бахтина воспроизводится в качестве не требующей критического осмысления очевидности. Так, в словаре-справочнике «Достоевский: эстетика и поэтика», который стал определенной вехой отечественной достоевистики последних десятилетий, идея определяется как «воплощенная в произведении искусства эстетически обобщенная авторская мысль, отражающая определенную авторскую концепцию мира и человека» [3]. Соответственно, такое понимание накладывается и на мировосприятие Достоевского, который, как утверждается, создал «новый тип героя, героя-идеолога» [3]. В заключение автор констатирует: «Фундаментальной монографией Бахтина проблема почти исчерпана» [3, с. 88].

Но, представляется, проблема здесь есть: не говоря о том, что Бердяев и Бахтин «разноголосят» в определении бытийного статуса идеи у Достоевского, следует обратить внимание на разноречивое и в понимании ими платонизма. Если в позиции первого — статика противопоставляется динамике — прочитывается подход, связанный с системами персонализма и экзистенциализма, то рецепция у Бахтина — идеи Платона здесь означены как «вещи в себе» — явно исходит из кантианской и неокантианской философии. То есть, есть все основания говорить о проблеме доминанты идеализма Платона. Более того, следует обратить внимание и на то обстоятельство, что у Достоевского нет продуманного, систематического взгляда на категорию идеи. Поэтому у него можно встретить и кантианское понимание. «...Сущность вещей человеку недоступна, а воспринимает он природу так, как она отражается в его идее, пройдя через его чувства...» (Достоевский, 21, 75). [4]. В другом случае, под идеей понимается просто концепт: «Задача искусства — не случайности бытия, а общая их идея, зорко угаданная и верно снятая со всего многообразия однородных жизненных явлений» (Достоевский, 21, 82).

Но тогда и квалификация идеи у Достоевского становится проблемой. И начать ее решение, представляется, надо с отношения идеализма Достоевского к платоновскому идеализму.

С нашей точки зрения, из существующих рецепций платонизма наиболее близкой мирозерцанию писателя является концепция А.Ф.Лосева. В чем ее суть?

Философ видит специфику платонизма в следующих началах: платоническая идея вещи является максимальной смысловой полнотой вещи; идея вещи есть вечная и порождающая модель вещи; мир идей относится не только к миру, но и человеку, то есть организует и осмысляет человеческую жизнь [5]. Если иметь в виду, что понятие порождающей модели, по мысли Лосева, является определяющим моментом в символе, то краткая формулировка платоновской идеи будет таковой — идея есть символ. Причем, что является принципиальным моментом в лосевской концепции, несмотря на то, что у самого Платона в целом, символические отношения мыслятся между миром идей и чувственным миром, сама по себе платоновская идея, еще до соединения с миром чувственным, суть уже готовый символ. «Согласно устойчивому традиционному подходу к символу, он есть

проявление (во-площение, во-ображение) идеи непосредственно и только в чувственной (курсив авторский — С.Ш.) реальности. Лосев же саму платоновскую идею понимает как уже готовый символ, т.е. не как элемент, который при соединении с чувственно воспринимаемым “иным” образует символическое единство, но как символ, уже содержащий в себе все необходимые составляющие» [6].

Все эти моменты, на наш взгляд, являются конститутивными для художественного мышления Достоевского. И с этой точки зрения, именно в таком понимании платоновской идеи его поэтику можно характеризовать как платоническую. Приведем выразительные, на наш взгляд, высказывания писателя, подтверждающие данный тезис.

В статье «По поводу выставки» писатель говорит о художественной идее.

«Портретист усаживает, например, субъекта, чтобы снять с него портрет, готовится, вглядывается. Почему он это делает? А потому что он знает на практике, что человек не всегда на себя похож, а потому и отыскивает «главную идею его физиономии», тот момент, когда субъект наиболее похож на себя (Достоевский, 21, 75). Поэтому дело художника — довериться своей идее (идеалу), так как идеал такая же законная действительность, как и текущая действительность (Достоевский, 21, 75). Здесь, с одной стороны, сама по себе идея физиономии — объективная реальность вне сознания субъекта; с другой стороны, идея внутри художника; и, третье — текущая, становящаяся действительность. Что в приведенном высказывании отвечает платоническому пониманию идеи? Специфика платонизма, напомним, кроется в характере отношений идеи и вещи.

1. Признание за идеей самостоятельного существования наравне с текущей действительностью.

2. Сущность вещей как таковая недоступна, но в идее она как-то открывается.

3. Идея у Платона, как уже говорилось, является порождающей моделью всякой вещи. То же мы наблюдаем и в приведенном отрывке из статьи Достоевского: человек равен себе, похож более на себя, когда проявляет свою идею. Здесь, в скрытом виде, присутствует понимание идеи как заданности: если к идее можно с разной степенью в разные отрезки жизни приближаться, то идея не дана, а задана. Заданность же, в свою очередь, требует понятия порождающей модели.

4. Идея дана в отношении человека — «главная идея физиономии». В черновых записях Достоевского есть определение эстетики, которое является платоническим. «Эстетика есть открытие прекрасных моментов в душе человеческой самим человеком же для самосовершенствования» (Достоевский, 21, 256). Прекрасное же для писателя есть идеал (Достоевский, 28-II, 251). Следовательно, «прекрасные моменты в душе» и есть идеал. Человек стремится к идеалу. Напомним в связи с этим платоновский диалог «Пир», в котором идея красоты является смысловым пределом становления вещи. Прекрасные моменты в душе и есть та идея, к которой стремится человек, совершенствуясь через это свою душу.

Момент смысловой полноты идеи и понимание идеи как порождающей модели наиболее ярко выражены в высказывании о католической идее. «Я не про религию католическую одну говорю, а про всю идею католическую, про участь наций, сложившихся под этой идеей в продолжение тысячелетия, проникнутых ею насквозь. В этом смысле Франция, например, есть как бы полнейшее воплощение католической идеи в продолжение веков, глава этой идеи, конечно, еще от римлян и в их духе» (Достоевский, 25, 6). Далее говорится о том, что французский социализм, революционеры конвента, атеисты — все это «вернейшее и неуклонное продолжение католической идеи, самое полное и окончательное завершение ее, роковое ее последствие, выработавшееся веками» (Достоевский 25, 6-7). Здесь католическая идея предстает, как истинная, свершительная и целевая причина судьбы французского народа. Поэтому католическая идея, порождающая французский народ, является, по сути, символом.

Приведенный пример демонстрируют точки схождения платонизма и идеи у Достоевского. И хотя понятие символа не стало категорией мышления Достоевского, символический принцип присутствует в его мышлении достаточно определенно. Например, возьмем понятие типизации. Взятый в своем чистом виде, тип есть родовое обобщение, которое не обладает никакой специальной структурой и вовсе не есть порождающая модель отраженной в ней действительности. Посмотрим, как это у Достоевского. Вот описание типа «старых людей». Когда говорится о том, что Герцен представляет собой исторический тип русских баричей, оторвавшихся от почвы, то это типическое описание, пример типизации. Отрыв от почвы становится причиной атеизма, презрения к реальному русскому народу и любовь к русскому народу выдуманному, вступления в стан социалистов. Все это схема, отображающая реальность путем формально-логического описания. Но когда дается реальная личность Герцена, порожденная отрывом от почвы, то это уже символическая типизация, так как здесь отрыв от почвы становится заданностью, порождающей реальность. «Он отрекся от основ прежнего общества, отрицал семейство и был, кажется, хорошим отцом и мужем. Отрицал собственность, а в ожидании успел устроить дела свои и с удовольствием ощущал за границей свою обеспеченность. Он заводил революции и подстрекал к ним других и в то же время любил комфорт и семейный покой. <...> Рефлексия, способность сделать из самого глубокого своего чувства объект, поставить его перед собою, поклониться ему и сейчас же, пожалуй, и насмеяться над ним, была в нем развита в высшей степени» (Достоевский, 21, 9). Далее говорится о том, что вся деятельность Герцена: писательская, издательская, революционная, политическая, — порождена разрывом с родной почвой.

На символическую природу типа у Достоевского указывает и полемика писателя с И.А.Гончаровым. Напомним, если Гончаров полагал, что тип является обобщающим отображением устоявшейся, сложившейся реальности, то Достоевский

утверждал возможность отображения становящегося типа. По словам Г.К.Щенникова, момент угадывания современного типа становится программным требованием у Достоевского [7]. Момент угадывания и указывает как раз на структуру символа, то есть когда по части угадывается целое. А это, в свою очередь, возможно только тогда, когда действительность воспринимается не данной, а заданной.

Приведенные высказывания Достоевского позволяют утверждать, что понимание идеи у него носит платонический характер. Из этой констатации вытекает важнейшее положение в отношении герменевтики художественных творений писателя: внимание исследователя, при таком понимании, должно направляться не столько на идеи, высказываемые героями и диалог, как это постулировано Бахтиным, сколько на внутренние смыслы, скрытые за чувственной оболочкой образа. Коротко сказать, исследовательский подход должен опираться, в основном, не на понятие «диалог» и связанные с ним «точка зрения», «полифония» и т.д., а на понятие воплощения, воображения, явления.

Здесь, в свою очередь, встает следующая проблема: как понимать проявление внутреннего во внешнем, идеи в образе? Напомним, что у Платона, как и в целом в античности, мир земной символически отображает, повторяет мир идеальный. Распространяется ли такое представление на творчество Достоевского? В начале прошлого века были предприняты попытки именно такого прочтения. Речь идет о Вяч.Иванове и о. Сергии (Булгакове). В работах, посвященных роману «Бесы», Иванов и Булгаков соответственно выставляют один и тот же тезис: в образах произведения воплощается судьба Мировой Души. Вот выразительный пассаж из работы Иванова: «Достоевский хотел показать в “Бесах”, как Вечная Женственность в аспекте русской Души страдает от засилия и насильничества “бесов”, искони борющихся в народе с Христом за обладание мужественным началом народного сознания» [8]. Здесь, что очевидно, воспроизводится символизм языческого платонизма: процессы высшей реальности, духовной, повторяются, воспроизводятся в низшей реальности, земной. Именно такой символизм и постулировал Иванов. Булгаков, в свою очередь, присоединяется в этом аспекте к такому пониманию символизма Достоевского: «Роман “Бесы”, как и все вообще творчество Достоевского, принадлежит к искусству символическому, <...> здесь символизм есть <...> постижение высших реальностей в символах низшего мира» [9].

С подобным подходом трудно согласится: по справедливому замечанию современного исследователя К.А.Степаняна, «для Достоевского человеческий мир не может быть “низшей” действительностью» [10].

В целом мирозерцание писателя отображает христианские представления о мире и человеке. И именно в характере, способе отношения внутреннего и внешнего проявляется отличие символизма Достоевского от символизма платонического. В христианстве мир центрируется через Бога. В философии Ни-

колая Кузанского, например, такое понимание выражено через концепт всеобъемлющей точки, «в простоте которой свернуто содержится бесконечное разнообразие форм, это есть та точка, которая обнаруживается всюду, куда ни ткни». Точка одновременно есть ничто, из которого все сотворено, и ничто Бога, Который превосходит всякое сотворенное что. Между этими ничто развернут весь мир. О том же говорит св. прав. Иоанн Кронштадский: «А все премудрость, в каждой точке вещества, и все премудростию, вечными законами премудрости только и держится» [11]. Данное представление лежит в основе христианского хронотопа, христианской идеи цельности и христианского символизма.

В романе «Братья Карамазовы» мы находим точно такое же мировидение. Его выражает старец Зосима: «Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчелка золотая, все-то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну Божию свидетельствуют, непрерывно совершают ее сами...» (Достоевский, 14, 267). Всякий же путь, в свою очередь, находит свое завершение в Иисусе Христе: «...ибо для всех Слово, все создание и вся тварь, каждый листик устремляется к слову, Богу славу поет, Христу плачет, себе неведомо, тайной бытия своего безгрешного совершает сие» (Достоевский, 14, 268). Без сомнения, здесь дана точка зрения самого Достоевского.

Как же такое мирозерцание выражается на художественном уровне? Это хорошо видно на примере пяти последних романов писателя. Как правило, сначала выдвигается главная идея романа. Попробуем конкретизировать данный тезис на примере романа «Бесы». В Подготовительных материалах к роману говорится о главной идее: «Главная же идея (то есть пафос романа) — это Князь и Воспитанница — новые люди, выдержавшие искушение и решающиеся начать новую, обновленную жизнь» (Достоевский, 11, 98). Как известно, в «Бесах» повествуется о двух поколениях русского демократическо-революционного движения — «новых людях». Таким образом, главная идея романа — социальное переустройство мира. И тут же Достоевский указывает на духовное измерение этой идеи — «выдержавшие искушение». Речь идет о евангельском событии искушения Иисуса Христа в пустыне дьяволом. Образы основных героев, всякий по-своему, соотносены с этим событием, что выявляет глубинное, символическое содержание того или иного образа. И вот, оказывается, что каждому из них предстоит то или иное искушение, которое они не преодолевают. Поэтому все реформаторские идеи и начинания в романе терпят крах.

Здесь нет теогонического процесса, который затем повторяется в мире человеческом. Здесь всякое слово героя, всякий его поступок встречается с замыслом Бога о мире, с Божьей волей, даже если герой этого и не осознает. Так и оказывается, что Бог проявляется в каждой точке бытия. Символическое ядро образа, связанное с идеей искушения, является, в свою очередь порождающим началом слов и поступков того или иного героя.

Итак, проявление внутреннего во внешнем суть основа поэтики Достоевского. Но и момент диа-

лога чрезвычайно важен для художественного мышления писателя. Поэтому стоит говорить о соотношении того и другого. На тему соотношения явления и диалога указал Степанян: «...М.Бахтин определил лишь один из двух важнейших принципов, которые конституируют художественный мир Достоевского: каждый его роман представляет собой **явление** — явление Христа, несущего людям Благою Весть о спасении <...> и **диалог** людей, передающих эту Благою Весть...» [10, с. 379].

Представляется, что союз «и» следует понимать, в качестве и соединяющего, и разъединяющего. Между этими понятиями существует иерархические отношения: один из них — явление — доминантен по отношению к другому — диалогу. И не случайно у Бахтина нет явления. Его эстетика своим философским основанием имеет неокантианство, которое, в свою очередь, вырастет из определенной религии — иудаизма. Именно иудаистский спецификум отношения Бога и человека выражается понятием диалога. Христианство же видит существо отношений Бога и человека в соединении (Понятие явления подразумевает соединение, о чем Степанян не говорит). В центре христианства — Евхаристия, Чаша. Диалог, молитва, для христианства очень важен, но инструментален в сравнении с соединением. Представляется, диалог инструментален и в поэтике Достоевского, а соединение-символизм — сущностно. Бахтин же, подчиненный для Достоевского момент диалога сделал доминантным.

1. Бердяев Николай. Мирозерцание Достоевского. Прага, 1923. С. 6.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
3. Ермилова Г.Г. Идея // Достоевский: эстетика и поэтика. Словарь-справочник. Челябинск: Металл, 1997. С. 87.
4. Произведения Ф.М. Достоевского цитируются по: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972-1990. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием тома и страницы.
5. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1998. С. 77-79.
6. Гоготиливи Л.А. Послесловие. Коммуникативная версия исихазма // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. С. 881.
7. Щенников Г.К. Тип // Достоевский: эстетика и поэтика. Словарь-справочник. Челябинск: Металл, 1997. С. 48.
8. Иванов В.И. Основной миф в романе «Бесы» // Иванов В.И. По звездам. Борозды и межи. М.: Астрель, 2007. С. 336.
9. Булгаков С.Н. Русская трагедия // Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. Избранные статьи. М.: Наука, 1993. С. 501.
10. Степанян К.А. О символизме и символе в творчестве Достоевского // Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М.Достоевского. СПб.: Крига, 2010. С. 47.
11. Святой праведный Иоанн Кронштадский. Моя жизнь во Христе: В 2 т. Т. 1. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1991. С. 314.

References

1. Berdyaev Nikolay. Mirosozertsanie Dostoevskogo [Dostoevsky's world view]. Praga, 1923, p. 6.
2. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Bakhtin M.M. [Works in 7 vols, vol. 6]. Moscow, 2002. 800 p.
3. Ermilova G.G. [Idea]. Dostoevskiy: estetika i poetika.

- Slovar'-spravochnik [Aesthetics and poetics. Reference Dictionary]. Chelyabinsk, 1997, p. 87.
4. Dostoevskiy F.M. [Complete coll. of works]. Leningrad, 1972-1990. Further references are given in round brackets with number of vol. and page.
 5. Losev A.F. Estetika Vozrozhdeniya [The aesthetics of the Renaissance]. Moscow, 1998, pp. 77-79.
 6. Gogotishvili L.A. Posleslovie. Kommunikativnaya versiya isikhazma [Afterword. Communicative version of isichasm]. Losev A.F. Mif. Chislo. Sushchnost' [Myth. Number. Essence]. Moscow, 1994, p. 881.
 7. Shchennikov G.K. Tip [Type]. Dostoevskiy: estetika i poetika. Slovar'-spravochnik [Aesthetics and poetics. Reference Dictionary]. Chelyabinsk, 1997, p. 48.
 8. Ivanov V.I. Osnovnoy mif v romane "Besy" [The main myth in his novel "The Possessed"]. Ivanov V.I. Po zvezdam. Borozdy i mezhy [By the stars. Furrows and boundaries]. Moscow, 2007, p. 336.
 9. Bulgakov S.N. Russkaya tragediya [Russian tragedy]. Bulgakov S.N. Soch.: V 2 t. T. 2. Izbrannye stat'i [Works in 2 vol, vol 2: Featured Articles]. Moscow, 1993, p. 501.
 10. Stepanyan K.A. O simbolizme i simvole v tvorchestve Dostoevskogo [On symbolism and character in Dostoevsky]. Stepanyan K.A. Yavlenie i dialog v romanakh F.M.Dostoevskogo [Phenomenon and dialogue in the novels of F.M.Dostoevsky]. Saint Petersburg, 2010, p. 47.
 11. Svyatoy pravednyy Ioann Kronshtadskiy. Moya zhizn' vo Khriste: V 2 t. T. 1 [My Life in Christ in 2 vols, vol. 1]. [The publication of the Transfiguration Valaam Monastery], 1991, p. 314.